

УДК 94(47).05(436)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.9

А. Н. Птицын

ЧЕШСКАЯ ДИАСПОРА В ПЕТЕРБУРГЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В статье анализируется проблема переселения чехов в российскую столицу в дореволюционный период. На основе опубликованных источников и архивных материалов автором показаны процесс формирования чешской диаспоры в Петербурге и ее место среди других иммигрантских общин. Показан постепенный и устойчивый рост этой диаспоры, которая с 1869 г. по 1910 г. увеличилась в 5,5 раз. Накануне Первой мировой войны чехом был каждый четвертый австро-венгерский подданный, проживавший в этом городе. Большинство иммигрантов находились там на протяжении длительного времени, что свидетельствовало о постоянном составе переселенческой общины. Впервые подробно рассмотрена демографическая, гендерная и социально-профессиональная структура чешской переселенческой общины в городе на Неве. Установлено преобладание среди переселенцев лиц трудоспособного возраста, преимущественно молодых, что указывало на трудовой характер чешской иммиграции. Об этом же свидетельствовали и гендерные диспропорции, заключавшиеся в заметном превышении числа мужчин над числом женщин. На основании переписей населения определен социально-профессиональ-

ный состав чешской общины Петербурга. Чехи выступали преимущественно в качестве квалифицированных специалистов и работников. Их основная часть была занята на промышленных и ремесленных предприятиях – в качестве техников, инженеров, квалифицированных рабочих и служащих, некоторые чехи являлись их владельцами и управляющими. Ряд чехов был занят в торговле и сфере услуг. Отдельные группы иммигрантов составляли учителя, музыканты и артисты. Постоянный характер проживания чехов в Петербурге и устойчивый рост их численности свидетельствовал об их успешной адаптации. Этому способствовала и деятельность Чешского вспомогательного общества, игравшего роль организационного центра чешской диаспоры. Об успешной интеграции чехов в российский социум свидетельствовали многочисленные факты перехода их в российское подданство и принятия православия. Однако большинство иммигрантов по разным причинам сохраняло свое прежнее подданство и вероисповедание.

Ключевые слова: чехи, иммиграция в Россию, иностранцы в России, чешская диаспора, население Петербурга.

Andrey Ptitsyn

THE CZECH DIASPORA IN ST. PETERSBURG AT THE TURN OF THE 19th – 20th CENTURIES: A STATISTICAL OVERVIEW

The article analyzes the problem of resettlement of Czechs to the Russian capital in the pre-revolutionary period. On the basis of published sources and archival materials, the author shows the process of formation of the Czech diaspora in St. Petersburg and its place among other immigrant communities. The study shows a gradual and steady growth of this diaspora, which from 1869 to 1910 got 5.5 times bigger. On the eve of the First World War, every fourth Austro-Hungarian citizen who lived in this city was Czech. Most of the immigrants stayed there for a long time, which shows the permanent composition of the resettlement community. For the first time, the demographic, gender and socio-professional structure of the Czech resettlement community in the city on the Neva is considered in detail. The predominance of people of working age among the migrants, mainly young, was established, which indicated the labor nature of Czech immigration. This was also evidenced by gender disparities, which consisted in a noticeable excess of the number of men over the number of women. On the basis of population censuses, the socio-

professional composition of the Czech community in St. Petersburg was determined. Czechs acted primarily as qualified specialists and skilled workers. Most of them were employed in industrial and craft enterprises - as technicians, engineers, qualified specialists and office workers, some Czechs were owners and managers of those enterprises. A number of Czechs were employed in trade and services. Separate groups of immigrants were teachers, musicians and artists. The permanent nature of the residence of Czechs in St. Petersburg and the steady growth of their number testified to their successful adaptation. This was also facilitated by the activities of the Czech Auxiliary Union, which played the role of the organizational center of the Czech diaspora. The successful integration of Czechs into Russian society was evidenced by numerous facts of their transfer to Russian citizenship and the acceptance of Orthodoxy. However, the majority of immigrants, for various reasons, retained their former citizenship and religion.

Key words: Czechs, immigration to Russia, foreigners in Russia, Czech diaspora, population of St. Petersburg.

На протяжении всего имперского периода среди населения Петербурга была высока доля иностранцев, что объяснялось как его ролью «окна в Европу», так и многообразными потребностями столицы в квалифицированных специалистах и рабочих в условиях «догоняющей» модернизации.

На рубеже XIX – XX вв. иностранные подданные составляли почти 2% жителей города на Неве. Доминировали среди них выходцы из Германии, хотя их доля постепенно сокращалась – с 60,6 % в 1881 г. до 45,7 % в 1910 г. Процент граждан других европейских держав за тот же

период, наоборот, возрос: Франции – с 8,9 % до 11,7 %, Великобритании – с 6,7 % до 9,9 %, Австро-Венгрии – с 5,8 % до 8,4 % [15, с. 27].

Австро-венгерская община была четвертой по численности среди зарубежных диаспор в российской столице. За период с 1869 г. по 1910 г. она выросла в 1,8 раза – с 1079 до 1923 человек [5, с. 281; 8, с. 119]. Ее особенностью был многонациональный характер, отражавший сложную этническую структуру Габсбургской монархии. В составе этой переселенческой общности преобладали немцы, на втором месте шли чехи, затем следовали поляки, венгры, словаки, русины, итальянцы и др.

Чехи образовали в Петербурге собственную национальную общину, сведения о которой были достаточно подробно зафиксированы российской статистикой. В российской столице первые выходцы из Богемии и Моравии поселились еще в XVIII в. – это были музыканты, артисты, врачи. В XIX столетии к ним стали добавляться представители других профессий: учителя, офицеры, ремесленники, торговцы, инженеры, техники, рабочие, служащие и другие [6]. Вплоть до 60-х гг. XIX в. масштабы чешской диаспоры в городе на Неве оставались незначительными, измеряясь лишь десятками человек одновременно. Ее бурный рост начался лишь в пореформенный период, и продолжался, хотя и неравномерно, вплоть до начала Первой мировой войны.

Численность чешской диаспоры в российской столице, динамику ее прироста, социально-профессиональную и демографическую структуру позволяют определить материалы переписей населения: городских, проводившихся в Петербурге в рассматриваемый период примерно раз в 10 лет, и единственной всероссийской переписи 1897 г.

При этом в материалах городских переписях чехи всегда выделялись в отдельную группу, а в таблицах всероссийской переписи они были объединены с другими родственными народами. В ряде таблиц переписи 1897 г. чехи были включены в общую рубрику вместе со словаками, и там они составляли подавляющее большинство (так, по данным ближайшей по времени петербургской переписи 1900 г. чехи составляли 86 % от общей численности чехов и словаков в городе) [11, с. 160–167]. В других таблицах всероссийской переписи чехи и словаки были объединены в одну категорию с другими зарубежными славянами под рубрикой «Остальные славянские языки». Всего в нее по Петербургу было включено 688 человек: 414 чехов и словаков, 155 сербов и словенцев, а также 119 болгар. Чехи и словаки сообща составляли здесь 60%, а собственно чехи – примерно половину [4, с. 52–53].

Данные о численности чешской диаспоры и австро-венгерской иммиграции в Петербурге в целом, составленные на основе городских переписей, приведены в Таблице 1.

Таблица 1

Численность австро-венгерских иммигрантов в Петербурге по данным городских переписей [5, с. 278–281; 8, с. 77, 119; 9, с. 242–243, 253; 10, с. 49–52; 11, с. 160–167]

Год		1869	1881	1890	1900	1910
Чехи	Всего	93	243	220	351	512
	Мужчин	62	159	138	223	308
	Женщин	31	84	82	128	204
Словаки	Всего	24	93	98	58	70
Венгры	Всего	19	67	41	126	143
Австро-венгерские подданные	Всего	1079	1533	1325	1779	1923

Таким образом, чешская миграция в российскую столицу росла опережающими темпами по сравнению с австро-венгерской миграцией в целом. За четыре десятилетия с 1869 г. по 1910 г. чешская диаспора там увеличилась в 5,5 раз, а количество габсбургских подданных выросло только в 1,8 раза.

Доля чехов среди всех австро-венгерских подданных в Петербурге за 40 лет выросла в 3 раза. По данным таблицы 1 она составляла: в 1869 г. – 8,6 %, в 1881 г. – 15,9 %, в 1890 г. – 16,6 %, в 1900 г. – 19,7%, в 1910 г. – 26,6% (вероятно, эти цифры следует несколько скорректировать в сторону уменьшения, т.к. часть чехов со временем меняла свое подданство с австрийского на рос-

сийское). Городские переписи показали также существенный рост численности венгров – в 7,5 раз, а вот количество словаков в городе на Неве было подвержено значительным колебаниям. К сожалению, численность представителей других народов дуалистической монархии российские переписи не показывали, объединяя всех проживавших в городе немцев, поляков, сербов и т. д. в единые группы на основании языка, независимо от их подданства.

Прирост численности чешской общины Петербурга по десятилетним временным отрезкам был неравномерным. Наиболее значительным он был в 1870-е гг. (в 2,6 раза), затем в следующем десятилетии наблюдалась стабилизация (некоторое

сокращение показателей 1890 г. связано с тем, что эта перепись, в отличие от других, не учитывала население пригородов). В последнем десятилетии XIX в. количество чешских иммигрантов вновь стало увеличиваться, хотя и в меньших масштабах (в 1,6 раза), этот процесс продолжился и в первом десятилетии XX в. (рост еще в 1,5 раза). Приток чехов в Петербург продолжался вплоть до самого начала Первой мировой войны.

Представители чешской диаспоры проживали в разных частях Петербурга и пригородных местностях, но в основном тяготели к центральным и близким к центру районам. По данным переписей, чехи концентрировались в следующих городских частях столицы: Казанской, Спасской, Адмиралтейской, Васильевской, Петербургской и Нарвской. В этих районах были сосредоточены административные, образовательные и культурные учреждения столицы, а также торговые заведения, там же находились многие промышленные предприятия. Небольшая часть иммигрантов селилась в пригородных селах и поселках, где располагались фабрики и заводы. В 1881 г. на пригородных участках проживали 18 чехов (7 %), в 1900 г. – 47 (13 %), в 1910 г. – 38 (7 %) [5, с. 277; 9, с. 253; 11, с. 159].

В материалах некоторых городских переписей были приведены сведения о длительности пребывания иммигрантов в Петербурге, правда, они относились не только к чехам, а включали всех австро-венгерских подданных. По данным переписи 1900 г., четверть из них родилась уже в этом городе (25,5 %). Каждый пятый провел в российской столице менее года (19,3 %), столько же –

от 1 до 5 лет (20,2 %). Таким образом, недавние переселенцы составляли среди габсбургских подданных около 40%. Треть иммигрантов (32,5 %) жили в городе на Неве на протяжении длительного времени: 9,3 % – от 6 до 10 лет, 10,7 % – от 11 до 20 лет, 8,5 % – от 21 до 30 лет, 4 % – более 31 года (не имелось сведений о времени приезда 2,5 % переселенцев) [11, с. 192-195].

Таким образом, австро-венгерская община в Петербурге состояла из трех основных групп: старожилов (около трети), детей иммигрантов, родившихся в этом городе (около четверти) и недавних переселенцев (около 40 %). Такая структура указывает на постоянный и долговременный характер австро-венгерской иммиграции.

В гендерной структуре чешской общины, как и во многих других иммигрантских сообществах, ощущался заметный перекося в пользу мужчин. Процент женщин в ее составе, согласно расчету, на основе данных Таблицы 1, составлял: в 1869 г. – 33,3 %, 1881 г. – 34,6 %, в 1890 г. – 37,3 %, в 1900 г. – 36,5%, в 1910 г. – 39,8 %. Для сравнения: доля женщин во всем населении Петербурга на рубеже веков равнялась 45 % [11, с. 23]. Гендерный дисбаланс в среде иммигрантов объяснялся, главным образом, более высокой социальной мобильностью мужчин в то время. Однако с течением времени доля женщин в составе чешской диаспоры постепенно возрастала, что свидетельствовало о сдвигах в данной области.

Материалы городских переписей позволяют определить не только гендерную, но и возрастную структуру чешской переселенческой общины (Таблица 2).

Таблица 2

Возрастная и гендерная структура чешской диаспоры Петербурга в 1900 г.
[11, с. 160–167]

Возраст	Мужчины		Женщины		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
До 10 лет	21	9,4	20	15,6	41	11,7
11-20 лет	15	6,7	21	16,4	36	10,3
21-30 лет	56	25,1	38	29,7	94	27,3
31-40 лет	48	21,5	15	11,7	63	17,9
41-50 лет	46	20,6	16	12,5	62	17,7
51-60 лет	23	10,3	11	8,6	34	9,1
61-70 лет	9	4	5	3,9	14	4
Свыше 70 лет	4	1,8	2	1,6	6	1,7
Неизвестен	1	0,5	-	-	1	0,3
Всего	223	100	128	100	351	100

Данные таблицы свидетельствуют о преобладании мужчин над женщинами во всех возрастных группах чешской диаспоры, за исключением возраста 11-20 лет (вероятно, это было связано

с повышенной смертностью среди мальчиков, а также с распространенной в чешских семьях практикой отправки детей для обучения на родину, которая затрагивала в основном мальчиков).

Также на основании приведенных данных можно сделать вывод о заметном преобладании в составе диаспоры людей трудоспособного возраста. Мужчины и женщины в возрасте от 21 до 60 лет составляли в составе диаспоры почти три четверти (72 %). Почти половину среди чешских иммигрантов составляли люди в самом активном возрасте от 20 до 40 лет. При этом каждый четвертый чех и каждая третья чешка имели от роду от 20 до 30 лет.

Дети и молодежь до 20 лет составляла среди петербургских чехов только пятую часть (22 %). Примечательно, что среди всех жителей Петербурга этот показатель в то время равнялся 36% [11, с. 20, 23]. Таким образом, доля детей и молодежи у чехов была в 1,6 раза меньше, чем в среднем по городу. Процент же маленьких детей в возрасте до 6 лет у чехов колебался, по материалам городских переписей, в пределах 4–8 % от общей численности диаспоры. В целом по городу она была несколько выше – 9,2 % [11, с. 124–125, 129].

Пожилых людей старше 60 лет среди чехов было мало – около 6%. При этом в целом по городу пожилых людей было еще меньше – лишь 4 % [11, с. 124–125, 129], что было связано с общими демографическими тенденциями того времени, низкой средней продолжительностью жизни, а также бурным ростом населения города в пореформенный период за счет молодых возрастов.

Соотношение между тремя основными возрастными группами – детьми и молодежью до 20 лет, трудоспособными взрослыми от 21 до 60 лет и пожилыми старше 60 лет выглядит более сбалансированным у чешских женщин по сравнению с мужчинами. У первых она представляла собой пропорцию: 32 %: 62,5 %: 5,5 %. У мужчин соотношения трех возрастных групп были больше смещены в сторону взрослого трудоспособного населения, характеризуясь пропорцией: 16,1 %: 77,5 %: 5,8 %. Таким образом, гендерная и возрастная структура чешской диаспоры четко указывает на трудовую характер иммиграции.

Точных сведений о семейном положении петербургских чехов имеющаяся статистика не содержит. В материалах всероссийской переписи 1897 г. есть подобные сведения только об объединенной группе «остальных славян», половина из которых была чехами. Для мужчин в возрасте старше 19 лет из этой группы семейное состояние было таким: 49 % состояли в браке, 46 % были холостыми, 4 % – вдовцами (еще 1 мужчина был разведен и 3 не указали своего семейного статуса). Для женщин старше 19 лет картина выглядела следующим образом: 55 % были замужем, 30 % составляли незамужние, 15 % – вдовы [4, с. 120]. Таким образом, лишь половина взрослых иммигрантов состояла в браке, причем это касалось как мужчин, так и женщин.

В метрических книгах крупнейшего в Петербурге католического костела Святой Екатерины содержится ряд записей о заключении браков австрийскими подданными, в том числе чехами, относящихся к концу 90-х гг. XIX в. На их основании можно сделать вывод, что чехи и чешки чаще заключали браки с людьми своей национальности, чем с представителями других народов. При этом иногда невеста, или реже, жених, были жителями не Петербурга, а других регионов Российской империи. В одном случае петербургский чех женился на невесте, приехавшей к нему непосредственно из Праги. Межнациональные браки среди чехов заключали как мужчины, так и женщины, но первые чаще. Партнерами чехов и чешек в межнациональных браках были как католики, так и протестанты (поляки, словаки, немцы, финны, скандинавы) [13].

В ряде случаев чехи и чешки ступали в брак с православными – преимущественно русскими. Тогда венчание, как правило, проходило по православному обряду, а родившиеся дети автоматически записывались в православную веру (например, дети знаменитого чешского оперного певца, протестанта Осипа Осиповича Палечека и его русской жены Евгении Алексеевны, урожденной Харитоновой, дочери сенатора) [12].

Материалы метрических книг костелов содержат также информацию о смертности среди иностранных переселенцев. Она в то время по России в целом, и по Петербургу в частности, была довольно высокой для всех групп населения, включая и иммигрантов. Ежегодно в Петербурге умирало, вероятно, несколько десятков габсбургских выходцев, среди которых были и чехи. Например, в 1893 г. только в метрических книгах костела Святой Екатерины была зафиксирована смерть 18 австрийских подданных (11 мужчин, 5 женщин и 2 младенцев). Среди умерших было 4 стариков (от 69 до 79 лет), 8 человек в возрасте 40–50 лет и 4 молодых людей 20–30 лет от роду. Среди причин смерти чаще всего (в трети случаев) указаны заболевания легких (чахотка либо воспаление), развитию которых способствовал петербургский климат, затем идут болезни сердца и других органов, а также «старческая дряхлость» [14, л. 238–342]. Впрочем, встречаются и записи такого рода: «1890 года августа 30 дня в С.-Петербурге скончался от острого алкоголизма Андрей Марек (судя по фамилии, чех – А.П.), бывший австрийский подданный 35 лет от роду» [14, л. 170].

Социально-профессиональную структуру чешской и словацкой общин Петербурга можно установить на основании материалов всеобщей переписи 1897 г. (таблица 3).

Таблица 3
Виды занятий чехов и словаков в Петербурге по данным Всероссийской переписи 1897 г. [4, с. 212]

Группы занятий	Самостоятельные				Члены семей	
	Мужчины		Женщины		Муж.	Жен.
	чел.	%	чел.	%		
Администрация, суд, полиция, вооруженные силы	10	3,9	1	2		2
Учебная и воспитательная деятельность	13	5,1			1	8
Наука, литература и искусство	22	8,6	3	6,1	2	9
Деятельность и служба частная, прислуга, поденщики	11	4,3	10	20,4	3	3
Доходы с капитала, недвижимости, средства родственников	22	8,6	12	24,5	5	8
Средства от казны, учреждений и частных лиц	4	1,6	5	10,2		1
Производство всего, в том числе	116	45,5	9	18,4	9	40
обработка дерева	7	2,7				5
обработка металлов	57	22,4	1	2	3	13
химическое	4	1,6			1	2
винокурение, пивоварение и прочие напитки	8	3,1			3	1
полиграфическое	4	1,6				2
изготовление инструментов, часов и игрушек	5	2	1	2		1
ювелирное дело, предметы роскоши	7	2,7			1	3
изготовление одежды	15	5,9	7	14,3		7
прочие производства	9	3,5			1	8
Торговля всего, в том числе	35	13,7	1	2	4	9
предметами домашнего обихода	6	2,3				
предметами роскоши и искусства	4	1,6	1	2		2
развозная и разносная	6	2,3			1	
прочие виды торговли	19	7,5			3	7
Трактиры и гостиницы	5	2	3	6,1		
Железные дороги	4	1,6	1	2		1
Прочие занятия	4	1,6	3	6,1		5
Неопределенные занятия и не указавшие занятия	9	3,5	1	2		
Всего	255	100	49	100	24	86

Составители Всеобщей переписи разделили 414 петербургских чехов и словаков на две группы: самостоятельных (имевших собственный источник дохода и/или живших отдельно) и членов семей (бывших на иждивении своих родственников). К первой группе принадлежали почти три четверти переселенцев (73 %), что опять-таки подчеркивает трудовой характер иммиграции. При этом среди мужчин, судя по приведенным данным, самостоятельную экономическую деятельность вели практически все (91%), за исключением детей, но включая часть подростков и стариков. Среди женщин этот показатель составлял чуть больше трети (36%), а остальные, согласно традициям того времени, были сосредоточены на роли жены, матери, дочери.

Чешские и словацкие переселенцы были заняты во всех основных сферах экономики Петербурга, концентрируясь в нескольких из них. Для мужчин основными были промышленное производство (116 человек), торговля (35), культурная сфера (22), затем шли образование (13), государственное управление (10) и работа в качестве прислуги (11). Женщины работали, в основном, на производстве (9) и в качестве прислуги (10), а также были заняты в гостиничной и культурной сферах (по 3). По несколько мужчин и женщин были заняты в прочих отраслях (железные дороги, садоводство, кредитные учреждения, медицина, а одна чешка была зарегистрирована в качестве проститутки). Не были заняты в общественном производстве, хотя и указаны в качестве самостоятельных хозяев, чехи и словаки, жившие

на доходы от капитала, недвижимости и на средства родственников (22 мужчины и 12 женщин), а также получавшие стипендии, пенсии и пособия (4 и 5 соответственно).

Таким образом, петербургские чехи и словаки были заняты преимущественно в фабричном и ремесленном производстве (почти половина мужчин и пятая часть женщин). Больше всего мужчин (пятая часть) трудились в металлообрабатывающей отрасли, но в ней доминировали словацкие ремесленники (так называемые дротари, изготавливавшие посуду и проволочные изделия). Второе место у мужчин и первое у женщин занимала работа в мастерских по изготовлению одежды. Также чехи-мужчины специализировались в пивоварении, обработке дерева (изготовление мебели и экипажей) и ювелирном деле.

Чехи, занятые на столичных предприятиях, были, как правило, квалифицированными работниками различных категорий: рабочими, ремесленниками, инженерами, техниками, конторскими служащими. Некоторые из них были владельцами или управляющими предприятий. Чешским владельцам принадлежали в Петербурге несколько небольших фабрик и мастерских, где зачастую концентрировались и рабочие из числа их соотечественников (перчаточная фабрика Ф. Гросса, кондитерская фабрика К. Бездеки и др.) [6, с. 124].

Чешские и словацкие торговцы, занимавшие второе место по занятости среди мужчин (35 человек), также были представлены различными категориями: владельцами собственных торговых фирм, комиссионерами заграничных и российских компаний, служащими в магазинах и лавках, разносчиками и развозчиками товаров (это был традиционный бизнес словаков). В качестве известных торговых заведений петербургских чехов можно назвать семейный торговый дом Вельцов (оптовая торговля москательными товарами и участие в нескольких акционерных обществах), магазин богемского стекла и фарфора графа Я. Гарраха (весь его персонал состоял из чехов), ювелирные магазины А. Контлера и З. Реймана [6, с. 119, 122–126].

Чехи, и в меньшей степени, словаки были представлены в отраслях нематериального производства: культуре (22 мужчины и 3 женщины), образовании (13 мужчин) и государственном управлении (10 мужчин и 1 женщина). На службе у частных лиц (прислуга, поденщики) состояло 11 мужчин и 10 женщин.

Среди чехов, занятых в культурной сфере, доминировали музыканты и артисты. Они работали в придворных, военных и прочих оркестрах, театрах, преподавали музыку в консерватории и других учебных заведениях. Некоторые из них сыграли выдающуюся роль в развитии российского музыкального и театрального искусства (Э. Ф. Направник, О. О. Палечек, В. И. Главач и др.) [6, с. 20–30].

Чешские педагоги были представлены преимущественно учителями древних языков, которых в массовом порядке приглашало на службу российское министерство народного просвещения в конце 1860-х – начале 1880-х гг. Все они в течение нескольких месяцев, а иногда и лет, проходили переподготовку в специально созданном в Петербурге Институте славянских стипендиатов, а уже затем получали назначение в гимназии. Всего через этот институт прошло более сотни чешских педагогов [7].

Непосредственно в петербургских гимназиях и прогимназиях в разное время работало полтора десятка «славянских стипендиатов» из числа чехов. Трое из них со временем дослужились до директорских должностей в столичных гимназиях (И. Ф. Шрамек, И. Ф. Фарник и И. В. Седлатый), несколько человек были назначены директорами гимназий в провинции [7]. И. А. Шебор стал профессором столичного Историко-филологического института. В 1900-е гг. российские средние учебные заведения, в том числе столичные, стали массово приглашать чешских учителей сокольской гимнастики [6, с. 116–117].

Занятые в сфере государственного управления чехи служили в многочисленных столичных учреждениях. Так, значительные должности в ведомстве государственного контроля занимал В. Шрут, в экспедиции по заготовлению государственных бумаг – Г. Франк, в управлении Петербургского учебного округа – Ф. Зборил и т. д. [1, с. 205, 552, 660; 2, с. 14].

Материальное положение петербургских чехов было разным. Лучшие позиции по сравнению с другими занимали предприниматели и высококвалифицированные специалисты. В целом, это положение было вполне благоприятным, на что указывают как долгие сроки проживания иммигрантов в столице, так и постоянный рост численности диаспоры.

Для помощи недостаточно обеспеченным членам общины и новым иммигрантам в 1877 г. в Петербурге было создано Чешское вспомогательное (благотворительное) общество. Со временем она стало центром жизни иммигрантской общины, и помимо своих основных задач, выполняла другие функции: организовала праздники и концерты, подыскивала желающим иммигрировать места для трудоустройства и т. д. Общество благополучно просуществовало вплоть до Первой мировой войны. Если в первые годы существования его членами были несколько десятков человек, то в 1914 г. их число достигло трех сотен [3].

Об успешной адаптации и интеграции иммигрантов в России свидетельствовали факты смены их первоначального подданства на российское. Процент российских подданных среди петербургских чехов рос постепенно. В 1869 г. он равнялся лишь 13 % [8, с. 124–127]. В 1897 г.

в группе «остальных славян», половину из которых составляли чехи, российскими подданными были уже 23% [4, с. 232-233].

Процесс перемены подданства, однако, тормозили жесткие российские законы: от претендентов требовался 5-летний срок проживания в стране, полицейское свидетельство о «благонадежности» и т.д. В то же время, правовое положение иностранцев в России в то время было вполне благоприятным, и особо не отличалось в социально-экономической и гражданско-правовой сферах от положения собственно российских подданных. Поэтому многие чехи десятилетия проживали в нашей стране, не меняя подданства. В массовом порядке они стали делать это уже после начала Первой мировой войны, чтобы выйти из-под действия репрессивных законов, введенных российским правительством против подданных «враждебных держав».

После перемены подданства иммигранты причислялись к одному из сословий российского общества (иностранцы представляли собой как бы особое сословие). По данным переписи 1897 г., группа «остальных славян» в Петербурге, наполовину состоявшая из чехов, имела следующую сословную структуру: 76,9 % составляли иностранные подданные, 9,6 % – дворяне и приравненные к ним чиновники (они почти поровну делились на потомственных дворян и личных дворян с приравненными к ним чиновниками), 5,7 % – мещане, 2,2 % – крестьяне, 2,2 % – почетные граждане, 2% – купцы, 1,4% – прочие [4, с. 232–233].

Данные цифры свидетельствуют о том, что принимать российское подданство были более склонны те иммигранты, которые затем рассчитывали войти в состав привилегированных сословий. Переход же собственно в мещанство переселенцам мало что давал по сравнению со статусом иностранного подданного. Обращает также на себя внимание высокий процент дворян среди иммигрантов. В основном, они получили дворянство путем службы, достигнув определенных чинов, или будучи награжденными орденами (чины и ордена тогда получали не только чиновники и офицеры, но и штатные работники государственных учреждений, в том числе образовательных и культурных).

По своей конфессиональной принадлежности подавляющее большинство осевших в России чехов были католиками, меньшинство – протестантами. Со временем часть из них перешла в православие, что также можно считать свиде-

тельством успешной адаптации и интеграции. Процент католиков среди петербургских чехов постепенно сокращался. В 1869 г. он достигал 92 %, в 1881–1900 гг. составлял 86–89 %, а в 1910 г. упал до 81 %. Доля протестантов колебалась: в 1869 г. она составляла 8 %, в 1881–1900 гг. – 4–5 %, в 1910 г. – 11 %. В 1869 г. православных среди петербургских чехов не было вообще, в 1881 г. их было 14 человек (6 %), в 1890 г. – 21 (10 %), в 1900 г. – 26 (7 %), в 1910 г. – 33 (6 %) [5, с. 266–269; 8, с. 124–127; 9, с. 253; 10, с. 78–79; 11, с. 152–159]. Таким образом, хотя весь период количество православных чехов в Петербурге выросло в два с лишним раза, но их удельный вес в составе диаспоры изменился не сильно.

Чехи были одним из самых образованных народов Австро-Венгрии, и выделялись в этом плане в России еще больше. Неграмотных среди петербургских чехов, как мужчин, так и женщин, были лишь единицы (4–8 % по данным городских переписей). Всеобщая перепись 1897 г. зафиксировала, что в Петербурге в группе «остальных славян» треть получили образование выше начального (222 мужчины и 4 женщины) [4, с. 90–91], и подавляющее большинство здесь составляли как раз чехи. В целом же среди жителей столицы в то время таким образованием могли похвастаться лишь несколько процентов.

Таким образом, в последней трети XIX в. в результате массовой иммиграции в Петербурге сформировалась чешская диаспора, насчитывавшая несколько сотен человек. В начале XX в. ее рост продолжался вплоть до начала Первой мировой войны. Диаспора состояла, главным образом, из мужчин и женщин трудоспособного возраста, шире всего в ней были представлены молодые мужчины.

Чешские иммигранты приезжали в Петербург, главным образом, с целью трудоустройства, иногда для открытия собственного дела, порой присоединялись к переехавшим ранее родственникам. Они выступали преимущественно в качестве квалифицированных специалистов и работников, и были заняты на промышленных и ремесленных предприятиях, а также в торговле, культурной и образовательной сферах. Адаптация и интеграция переселенцев в российской столице протекала, в основном, успешно, о чем свидетельствовал постоянный характер проживания большинства из них на новом месте, а также распространенная практика принятия ими российского подданства и православия.

Источники и литература

1. Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1898 год. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1898. 750 с.
2. Отчет чешского вспомогательного общества в С.-Петербурге за 1897 и 1898 гг. СПб.: Типография СПб. Т-ва печ. изд. дела «Труд», 1899. 15 с.
3. Отчет чешского вспомогательного общества в Петрограде за 1913 и 1914 год. Пг.: Типография «Научное дело», 1915. 65 с.

4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXXVII. Город С.-Петербург. Тетрадь 2. СПб.: Типография Т-ва худож. печати, 1903. 261 с.
5. Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 г. Население. Ч. I. Пг.: Городская типография, б.г. 339 с.
6. Порочкина И. М., Инов И. В. Чехи в Санкт-Петербурге, 1703-2003. СПб.: Глобус, 2003. 158 с.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 1-36.
8. Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. Вып. 1. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1872. 127 с.
9. С.-Петербург по переписи 15 декабря 1881 г. Т. 1. Население. Ч. 1. СПб.: Типо-литография А. Перотт, 1883. 255 с.
10. С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. 1. Население. Вып. 1. СПб.: Типография Шредера, 1891. 387 с.
11. С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб.: Типография Шредера, 1903. 201 с.
12. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 126. Д. 200. Л. 25.
13. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 92.
14. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 133.
15. Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX века. Статистический анализ. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. 223 с.

References

1. Ves' Peterburg: Adresnaya i spravoch'naya kniga g. Sankt-Peterburga na 1898 god (All Petersburg: Address and reference book of St. Petersburg for 1898). St. Petersburg: A.S. Suvorin, 1898. 750 p. (In Russian).
2. Otchet cheshskogo vspomogatel'nogo obshchestva v S.-Peterburge za 1897 i 1898 gg. (Report of the Czech charitable society in St. Petersburg for 1897 and 1898). St. Petersburg: Trud, 1899. 15 p. (In Russian).
3. Otchet cheshskogo vspomogatel'nogo obshchestva v Petrograde za 1913 i 1914 god (Report of the Czech charitable society in Petrograd for 1913 and 1914). Petrograd: Nauchnoe delo, 1915. 65 p. (In Russian).
4. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. (The first general census of the population of the Russian Empire in 1897). Vol. XXXVII. S.-Peterburg city. Part 2. St. Petersburg: Printed House Partnership of art print, 1903. 261 p. (In Russian).
5. Petrograd po perepisi naseleniya 15 dekabrya 1910 g. Naselenie (Petrograd according to the census of December 15, 1910. Population). Vol. 1. Petrograd: City Printed House, 339 p. (In Russian).
6. Porochkina I.M., Inov I.V. Chekhi v Sankt-Peterburge, 1703-2003 (Czechs in St. Petersburg, 1703-2003). St. Petersburg: Globus, 2003. 158 p. (In Russian).
7. Russian State Historical Archives (RGIA). F. 733. Inv. 169. D. 230. (In Russian).
8. Sankt-Peterburg po perepisi 10 dekabrya 1869 g. (St. Petersburg according to the census of December 10, 1869). Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya ministerstva vnutrennikh del, 1872. 127 p. (In Russian).
9. S.-Peterburg po perepisi 15 dekabrya 1881 g. (St. Petersburg according to the census of December 15, 1881). Vol. 1. Population. Part 1. St. Petersburg: A. Perott, 1883. 255 p. (In Russian).
10. S.-Peterburg po perepisi 15 dekabrya 1890 goda (St. Petersburg according to the census of December 15, 1890). Vol. 1. Population. Part. 1. St. Petersburg: Shreder's printed house, 1891. 387 p. (In Russian).
11. S.-Peterburg po perepisi 15 dekabrya 1900 goda. Naselenie. (St. Petersburg according to the census of December 15, 1900. Population). Vol. 1. St. Petersburg: Shreder's printed house, 1903. 201 p. (In Russian).
12. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb.). F. 19. Inv. 126. D. 200. (In Russian).
13. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb.). F. 347. Inv. 1. D. 92. (In Russian).
14. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb.). F. 347. Inv. 1. D. 133. (In Russian).
15. Yukhneva N.V. Etnicheskii sostav i etnosotsial'naya struktura naseleniya Peterburga. Vtoraya polovina 19 – nachalo 20 veka. Statisticheskii analiz (Ethnic composition and ethnosocial structure of the population of St. Petersburg. Second half of the 19th - early 20th century. Statistical analysis). Leningrad: Nauka, Lenigradskoe otd-nie, 1984. 223 p. (In Russian).

Информация об авторе

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ptiandr@gmail.com

Information about the author

Ptitsyn Andrey – PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ptiandr@gmail.com